

Три дня спустя

Си Си в сопровождении Сяо Юй прибыл на съемочную площадку «Молчания», где проходило кастинг-прослушивание.

Толпа на месте проведения проб поразила его до глубины души. Выражение «яблоку негде упасть» здесь казалось даже слишком блеклым — у входа бурлило настоящее человеческое море.

— Сяо Юй, тут столько людей... Когда вообще до нас дойдет очередь? — спросил Си Си.

Помощница в ответ лишь сокрушенно вздохнула:

— Нашему сценаристу Фану придется отсмотреть столько человек. Представляю, как он устанет. Мне заранее его так жалко!

Си Си с удивлением посмотрел на нее. Только сейчас он осознал, что его личная ассистентка — преданная фанатка Фан И.

— Хочешь, я позже попрошу у твоего обожаемого сценариста автограф?

— Но сценарист Фан хоть и улыбается постоянно, на самом деле далеко не такой покладистый, как ты, брат Си, — уныло протянула Сяо Юй. — Он ведь никогда не дает автографы фанатам.

Си Си слегка приподнял бровь и с пижонским видом подмигнул ей:

— Вот закончатся пробы, и твой брат Си добудет для тебя заветную подпись.

Сяо Юй вспыхнула таким лихорадочным восторгом, что Си Си невольно отшатнулся на шаг.

— Полегче, не надо так бурно реагировать.

— Брат Си, я правда, правда...

— Знаю, знаю, ты меня обожаешь, — перебил ее излияния Си Си. — Но эта любовь явно меркнет перед твоими чувствами к сценаристу Фану.

Сяо Юй совершенно искренне и изо всех сил закивала.

Си Си лишился дара речи.

Желание помогать своей маленькой помощнице мгновенно улетучилось.

— Брат Си, — Сяо Юй проворно выудила из сумочки глянцевый снимок и протянула ему. — Пожалуйста, отдай это моему кумиру. Пусть распишется прямо здесь, ладно?

Си Си взглянул на портрет Фан И и окончательно капитулировал перед фанатским упорством.

— Ладно, но главный вопрос: сколько нам еще здесь торчать? — спросил он.

— Ой, брат Си, я же забыла сказать! Брат Цзян уже обо всем договорился с режиссерской группой. Нас пропустят прямо во внутренний зал.

— И почему ты молчала до сих пор? — Си Си уставился на нее с немим укором.

— Ну... как только я подумала, что увижу своего бога так близко, у меня все мысли из головы вылетели от радости! — сияя, призналась Сяо Юй.

— Сяо Юй, ты вообще не боишься увольнения? — со вздохом покачал головой Си Си. — Нахваливать постороннего мужчину прямо при собственном боссе — это как называется? Твой брат Си очень недоволен...

Договорить он не успел. Слова застряли в горле: в дверях показался Цзянь И.

Во внутреннем зале людей оказалось совсем немного — от силы несколько десятков. Зато все как на подбор — известные в индустрии лица. К какому бы эшелону они ни относились, любой из них оставлял его, маленького прозрачного, далеко позади.

Сложно сказать, повезло ему или нет, но он сразу заметил Цзянь И. И тот тоже уставился прямо на него.

Их взгляды встретились.

Вспыхнула неземная страсть?

Черта с два. Скорее полетели яростные искры.

Си Си, не изменяя себе, расплылся в дружелюбной улыбке и приветливо помахал рукой.

Цзянь И сухо отвернулся.

«Ничего, — подбодрил себя Си Си. — Вот узнает он, кто я такой на самом деле, живо сменит тон. И тогда уже я буду изображать из себя неприступную ледышку»

Конечно, при условии, что тот действительно не перепутал его с кем-то другим.

— Си Си!

Погруженный в раздумья, он вздрогнул от знакомого голоса. Обернулся — так и есть, У Юэ.

— Брат У? — Си Си улыбнулся.

— Какая встреча, — отозвался тот.

— Ага, ты тоже на прослушивание?

— Линь Юй тоже здесь, вон там устроилась, — кивнул У Юэ.

— То, что она здесь, меня не удивляет. Но ты, брат У? Неужели решил отобрать мой хлеб? — пошутил Си Си.

Стоило У Юэ подойти, как Цзянь И снова перевел хмурый взгляд на Си Си.

— Ну, ты же знаешь, как сейчас обстоят дела в музыкальной индустрии, — отшутился У Юэ. — Если не искать новые пути, скоро придется голодать.

— Если уж певцы твоего калибра начнут голодать, остальным в этой профессии вообще ловить нечего, — парировал Си Си.

У Юэ рассмеялся:

— Ладно, признаю, сгустил краски. До нищеты мне еще далеко.

Си Си украдкой покосился в сторону Цзянь И. Если зрение его не обманывало, секунду назад тот буквально сверлил его глазами.

Но теперь киноимператор сидел с абсолютно бесстрастным лицом, не выдавая себя ни единым жестом.

У Юэ дружески хлопнул Си Си по плечу:

— Пойдем тянуть номерки. Проверим, насколько сегодня ко мне благосклонна госпожа удача.

Си Си надеялся, что его собственная карма чиста — в конце концов, получить второй шанс на жизнь дано не каждому, так неужели фортуна отвернется от него в такой мелочи?

Однако, взглянув на вытянутый квиток, он понял: лимит везения на эту жизнь исчерпался еще в момент перерождения.

Номер один.

Первый номер означал приговор. К концу прослушивания твое выступление напрочь сотрется из памяти отсмотревших сотни кандидатов режиссеров.

Чтобы оставить хоть какой-то след в их сознании после такого, требовалось нечто поистине грандиозное — масштаба легендарного посоха Сунь Укуна.

Мысленно оплакивая свое тотальное невезение, Си Си лихорадочно соображал, какие хитрости можно применить, чтобы его образ хоть немного задержался в головах строгой комиссии.

Сяо Юй сочувственно вздохнула:

— Брат Си, лучше бы я пошла. Даже у меня рука не настолько несчастливая.

— Сяо Юй, пощади мои нервы, — обреченно выдохнул он.

Услышав свой номер, Си Си покорно направился к сцене.

Страх перед публикой он не испытывал — сказывался многолетний опыт. Но стоило ему подойти ближе, как он невольно отметил: а сценарист Фан вблизи действительно чертовски хорош собой.

Цзянь И сам не понимал, почему его взгляд зацепился именно за этот момент, но он отчетливо видел, как Си Си бесстыдно уставился на Фан И.

Киноимператор мгновенно помрачнел. Хм, неужели этот проныра уже нашел себе новую мишень?

Улыбается во все тридцать два зуба... Хоть бы навел справки о предпочтениях Фан И, прежде чем так топорно строить глазки. Похоже, мозги он снова оставил дома.

И ведь продолжает улыбаться.

Цзянь И прищурился. Да будь ты хоть трижды писанным красавцем, Фан И на такую дешевку даже не взглянет.

Он демонстративно отвернулся, но тут же услышал собственное имя.

Резко обернувшись, Цзянь И столкнулся с сияющим лицом Си Си, который смотрел прямо на него.

Цзянь И перевел взгляд на судейские столы. Оклик явно принадлежал Фан И.

Гуан Мин тут же зашептал шефу на ухо:

— Сценарист Фан просит тебя подняться на сцену и подыграть Си Си.

Цзянь И обменялся со сценаристом быстрыми взглядами, после чего, едва заметно усмехнувшись, двинулся к подмосткам.

Си Си мгновенно уловил едва заметное напряжение, проскочившее между ними.

Впрочем, времени на праздное любопытство не осталось — Цзянь И уже поднялся на сцену и сухо бросил:

— Какая сцена? Какая роль?

«Как далеко мне еще до теплых и доверительных отношений с кумиром? Ответ: на расстоянии световых лет»

Си Си едва не прыснул от столь неуместной мысли, но быстро взял себя в руки и четко ответил:

— Молодой господин семьи Бай, Бай Ци.

Цзянь И удивленно приподнял бровь.

Сидящий внизу Фан И тоже выказал легкое изумление, которое, впрочем, быстро сменилось пониманием. Выбор роли оправдывал то, зачем он вызвал Цзянь И на сцену.

Сценарист почувствовал азарт. Раз этот яркий юноша догадался привлечь Цзянь И, значит, он

действительно уловил суть произведения.

Однако кастинг Цзянь И на главную роль пока держался в строжайшем секрете. Откуда новичку об этом известно?

Фан И заглянул в лежащую перед ним анкету.

Си Си.

Имя показалось ему до боли знакомым. Вот только тот, другой Си Си, с которым он так и не успел поработать над сериалом, трагически погиб.

Лишь после его смерти Фан И узнал, что этот молодой актер упорно, раз за разом отправлял ему письма с просьбой о шансе. До самого адресата эти послания тогда так и не дошли — осели где-то у секретарей.

Когда Фан И случайно наткнулся на них, он был потрясен до глубины души.

В каждом письме покойный Си Си делился своим видением роли — и это прочтение с точностью до мельчайших нюансов совпадало с тем, что задумывал сам автор.

Но стоило Фан И попытаться разыскать талантливого парня, как выяснилось, что того уже нет в живых.

В тот день Фан И устроил грандиозный разнос своим сотрудникам. Разумеется, он понимал, что винить подчиненных глупо — при таком лавинообразном потоке корреспонденции упустить что-то немудрено.

Им двигало лишь горькое, щемящее сожаление. Нерастроченная досада жгла изнутри, требуя выхода, и вылилась в глупую вспышку гнева посреди офиса.

И надо же — теперь перед ним стоял еще один Си Си.

В душе Фан И затеплилось смутное предвкушение, а интерес к стоящему на сцене юноше заметно возрос.

— Какая сцена? — совладав с удивлением, деловито осведомился Цзянь И.

Си Си лишь мягко улыбнулся в ответ:

— Думаю, как только я начну, ты сразу все поймешь.

Цзянь И снова мысленно поразился его дерзости. Идти ва-банк — так по-крупному.

Не называть конкретный эпизод — колоссальный риск прежде всего для самого Си Си. Если Цзянь И не сумеет сориентироваться и поддержать игру, никто не посмеет упрекнуть признанного мастера; во всем обвинят неумеху-новичка.

Цзянь И молча окинул его взглядом, выражая негласное согласие.

Си Си мысленно выдохнул. Он всерьез опасался жесткого отказа.

Си Си мгновенно стер улыбку с лица. Секунда — и перед присутствующими предстал совершенно другой человек.

Фан И подался вперед, заинтригованный столь стремительным перевоплощением. Взгляд Цзянь И тоже едва заметно переменялся.

Си Си выбрал финальную сцену третьего мужского персонажа — момент его гибели от огнестрельного ранения.

Он слегка прижал ладонь к груди в области сердца. Юноша стоял прямо, вытянувшись в струну, но внимательный наблюдатель мог заметить едва уловимую, судорожную дрожь в одном колене. И больше ничего — ни единый жест не выдавал терзавшую героя смертную муку.

Цзянь И заворуженно смотрел на партнера. Сдержанная скорбь и трагизм Бай Ци осязаемой волной накрыли сцену.

Си Си качнулся к Цзянь И, делая робкий шаг. В режиссерских ремарках значилось: «подается навстречу». Но этот шаг в исполнении Си Си выразился лишь в крошечном, едва заметном смещении согнутой ноги на несколько миллиметров.

Всего лишь жалкие крупички движения.

Однако Фан И резко переменялся в лице.

Си Си, полностью растворившийся в образе, не заметил волнения, охватившего сценариста.

Преодолев эти несчастные миллиметры, Си Си поднял глаза на Цзянь И. Теперь он смотрел с тонкой, невесомой грустью расставания и глубоко запрятанной, щемящей нежностью.

Цзянь И помрачнел, и скорбь полностью отразилась на его лице.

Вдруг Си Си улыбнулся — открыто, невероятно тепло, — и едва слышно прошептал:

— Прощай...

«Будем верить, что в следующей жизни мы встретимся вновь. Мой верный соратник, единственный близкий человек, моя...»

И Си Си рухнул на подмости.

«Моя вселенная... прощай до следующего воплощения»

Этого безмолвного продолжения не было в сценарии, но Си Си интуитивно чувствовал: его герой должен был думать именно так. И он воплотил это на сцене.

Цзянь И замер над «телом» Си Си. Он едва сдерживал слезы; он слегка отвернулся, быстрым движением смахнул непрошеную слезу с ресниц и, вновь обернувшись, вернул лицу выражение суровой сдержанности, с каким когда-то впервые встретил Бай Ци.

Киноимператор сделал несколько быстрых шагов вперед, опустился на одно колено и ладонью закрыл Си Си глаза. Лишь сидевшие в самом первом ряду могли заметить, как мелко, почти незаметно дрожали его пальцы.

Фан И медленно поднялся со своего места и зааплодировал.

<http://bllate.org/book/18236/1749970>